

18+ Константин Карманов

ЛАНДСКНЕХТ

Современная производственная повесть

Константин Карманов

**Ландскнехт. Современная
производственная повесть**

«Издательские решения»

Карманов К. Н.

Ландскнехт. Современная производственная повесть /
К. Н. Карманов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-00-510237-9

Оставшийся не у дел столичный политтехнолог берётся за проведение выборной кампании в небольшом заводском посёлке в соседней области. Отличная фактура, глубокое знание материала и процесса. Повесть является логическим продолжением первого романа автора «Нацпроект» и объединена с ним общими героями. Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-00-510237-9

© Карманов К. Н.
© Издательские решения

Содержание

1. Утренний кофе	6
2. На старт!	9
3. Внимание!	16
Конец ознакомительного фрагмента.	20

Ландскнехт

Современная производственная повесть

Константин Николаевич Карманов

Дизайнер обложки Святослав Плющ

Корректор Лидия Васильева

© Константин Николаевич Карманов, 2020

© Святослав Плющ, дизайн обложки, 2020

ISBN 978-5-0051-0237-9

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Всё описанное в этой повести является абсолютным вымыслом автора. Все совпадения с реальными людьми и событиями случайны. Автор убедительно просит читателей не искать никаких параллелей с реальной жизнью.

Прямая речь и размышления персонажей повести иногда содержат ненормативную лексику. Если уважаемому читателю это непереносимо, уважаемый читатель может книгу отложить и не читать.

1. Утренний кофе

Май две тысячи пятнадцатого года выдался тёплым. Черёмуховые холода уже прошли, очищающие грозы с ливнями отшумели. Всё радовалось теплу, свету и умиротворяющим запахам.

В этот раз адаптация к смене часовых поясов, после возвращения из Америки от детей, проходила у Кости особенно тяжело. Уже почти две недели как прилетели, а режим сна так и не налачился. Сегодня опять проснулся в пятом часу утра, и заснуть больше не смог. Провалился в кровати для порядка ещё минут двадцать, встал, прошёл в гостиную, выпил полстакана воды и ткнул пальцем в кнопку управления кофемашиной. Потом надел халат и вышел с чашкой на балкон.

Когда двадцать лет назад затевали строительство дачи и планировали расположение объектов, дом специально заложили подальше от дороги в глубине участка, чтобы с балкона, выходящего на реку, не было видно соседей. Теперь балкон был любимым Костиным местом. Вид был изумительный. До реки метров сто пятьдесят, за рекой небольшое поле, активно зарастающее молоденькими берёзками и какими-то кустиками, за полем стена могучего хвойного леса. Никакие соседские постройки в поле зрения не попадали. Красота, тишина, покой, умиротворение.

Костя запахнул халат поплотнее, уселся за стол, отхлебнул кофе, закурил и погрузился в блаженное безмыслие. Утренняя зорька была как в детстве на рыбалках с покойным отцом, только теперь вместо поплавок на воде перед глазами был немного размытый лёгким туманом широкий, просторный пейзаж. Заливчик напротив балкона медленно пересекала тёмная башка деловитого бобра. Над руслом речки низко пролетела пара уток. Первые появившиеся в голове мысли были простыми и короткими:

– Странно, чего это утки парой мотаются. По идее уже загнеститься должны были. Надо будет с духом собраться и поставить капкан на бобра, иначе всю растительность вокруг пожрёт и заливчик своими палками замусорит сволочь. Везёт же некоторым, вот жене Светке, например. Дрыхнет, как сурок, и никакая смена часовых поясов ей нипочём.

Дача находилась довольно далеко от столицы, около ста семидесяти километров. Когда-то, в самом начале девяностых, Костя приехал в эти места с друзьями на охоту. Охотничье хозяйство оказалось очень приличным, дичи было много, места красивые и совсем людьми не изгаженные. Всё понравилось настолько, что решил арендовать в хозяйстве маленький коттедж и ездить сюда постоянно.

Ближе к середине девяностых жить в охотхозяйстве стало невозможно. Охота сделалась популярным увлечением у бандитов, которые стали приезжать весёлыми командами на свой специфический бандитский отдых. Ночная стрельба, визг шлюх, наркотики, водка и прочие безобразия по выходным сделались регулярными. Костя некоторое время злился, потом плюнул и купил старый деревенский домишко с большим участком на берегу реки в четырёх километрах от охотничьей базы.

Изначально хотел построить там небольшой охотничий домик, но жена Светка и дети внесли свои коррективы, и в итоге образовалась полноценная дача со всеми ненавистными Косте грядками, смородинами и прочими дачными безобразиями. Даже парник для огурчиков-помидорчиков появился.

Однако окружающая природа от этого хуже не стала и вся семья дачу очень полюбила. Дети здесь выросли, Светка с покойной тёщей реализовали все свои огородные и садоводческие наклонности, которые, слава Богу, были довольно умеренными, Костя получил островок покоя, позволяющий быстро снимать усталость от напряжённой работы.

После ухода из сельскохозяйственного инвестиционного проекта в Соколовской области и отправки окончивших свои университеты детей на жительство в Америку, Костя со Светкой переехали жить на дачу насовсем. Выезжали в столицу редко и только по делам. Два раза в год по месяцу проводили у детей в штатах. Несколько раз Костя застревал в столичной квартире из-за выборных кампаний, проводить которые становилось всё сложнее и сложнее.

Кагэбэшно-воровская власть оставляла всё меньше места для манёвра. Вместо разъяснения и убеждения новые хозяева страны использовали для работы с населением простые и понятные им методы типа «кирпичом по затылку». Патриотизм и любовь к вождю стимулировали муссированием былых побед и захватом территорий более слабых соседей. Политтехнологи стали не нужны. Заказов на проведение выборных кампаний было исчезающе мало.

С лестницы ведущей с балкона в садик раздались требовательные и сильно немзыкальные вопли общедеревенского бездомного и бесхозного кота. Костя встал, взял с подоконника пакетик мягкого кошачьего корма, вскрыл его, открыл балконную дверь и начал выдавливать содержимое в блюдечко, стоящее на верхней ступеньке. Кот тёрся об ноги и толкал башкой Костину руку. Костя приговаривал:

– Гадёныш ты наглый. Ну чего ты так орёшь? Чем попрошайничать, пошёл бы лучше вон мыша какого в садике или в поле поймал. Мерзавец ты хитрожопый.

Кот в семейной иерархии числился младшим Костиным другом. Светка же его сильно недолюбливала за гадкую, с её точки зрения, привычку метить всю территорию, которую мерзавец считал своей. Кот, как и всякий нормальный мужик, был силён и вонюч.

Закрыв балконную дверь, чтобы хвостатый прохиндей не смог просочиться внутрь и что-нибудь радостно обоссать, Костя сходил в гостиную, сделал себе ещё чашку кофе, вернулся, уселся опять за стол, прикурил очередную сигарету и продолжил осмысление окружающего мира. Вид кота, пожирающего мягкий корм с громким урчанием, успокаивал.

Текущее состояние дел можно было назвать коротко и ёмко – «распродажа». Пять лет назад, согласно хитрому Светкиному плану по переселению в Америку, туда был выпихнут сын. Через год к нему присоединилась дочь. Оба оказались на удивление толковыми. Наблюдая их взросление на Родине, Косте казалось, что вышла пара средних молодых раздолбаев. Но когда они вдруг поступили в хорошие Американские университеты, отучились на отлично и получили лучшие места стажировки, мнение изменилось. Появились вполне заслуженное уважение и естественная родительская гордость.

Первое время после переезда оба ребёнка твёрдо заявляли, что закончив учёбу и стажировку, обязательно вернуться на родину. Американцы казались детям абсолютными придурками, хотя объективный комфорт проживания в штатах оба признавали. Через год после переезда, вопли об обязательном возвращении затихли, а ещё через год сын наконец-то твёрдо объявил, что не вернётся. Светка с Костей удовлетворённо покивали и приступили к распродаже активов и перекачке вырученных денег за океан.

Рынок в стране пребывал в совершенной стагнации. Родину душили международные экономические санкции за захват соседских территорий и устроенную там гибридную гражданскую войну. Внутри страны тоже всё потихоньку умирало. Беззаконие силовиков и государственно-чиновничьих структур убивало экономику на корню. В таких условиях продать что-либо было чертовски трудно. Если что-то и удавалось спихнуть, то только за дёшево, с большим дисконтом, играя на жадности глупого покупателя.

Распродажа шла мучительно тяжело и медленно. Сначала удалось избавиться от старого рекламного агентства в столице, главной ценностью которого был офис на набережной в самом центре города. Потом продались квартиры, купленные с прицелом на будущее детям. Последней победой было избавление от основной, самой большой и дорогой квартиры, в которой семья прожила лет пятнадцать и где выросли дети. Чтобы найти на неё покупателя, пришлось

опуститься от планируемой цены почти на тридцать процентов. Денег было безумно жалко, но другого пути не было. Дальше всё могло стать ещё хуже.

Теперь нужно было продать сеть продуктовых магазинчиков, которая планировалась как кормушка на старость лет и вот эту самую любимую всеми дачу. Кому предложить магазинчики, Костя совершенно не представлял. Дача тоже была трудно реализуемым объектом, ибо – большая, дорогая и далеко от столицы. Одним словом, никакого оптимизма сложившаяся ситуация не внушала.

Размышляя о собственном текущем состоянии, Костя всегда вспоминал старую эпиграмму, ходившую в кругах столичной интеллигенции лет двадцать пять тому назад, когда наконец рухнул коммунистический режим и открылись границы. Наиболее умные и активные сограждане тогда массово потянулись эмигрировать в цивилизованные, развитые страны. Поскольку эмиграция от бегства отличается некоторой неспешностью, в стране появилась прослойка людей физически ещё находящихся здесь, а мозгами и мечтами уже в другой стране. Кто-то из острословов, чуть ли не Валентин Гафт, родил по этому поводу смешное четверостишие, заканчивающееся метким определением – «полууехавшие бляди». Вот именно такой «полууехавшей» Костя себя теперь и ощущал.

2. На старт!

Неожиданно на сотовый позвонил Паша Лёшкин, с которым не виделись и не говорили уже лет восемь, практически с момента ухода Кости с должности директора по корпоративным связям в компании Хорька, где Паша тоже был членом совета директоров и занимался всякими технологическими и производственными вопросами. От Хорька Лёшкин давно ушёл и теперь трудился в корпорации «Отечественный продукт». Руководил производством и продажей дешёвых, «народных» пищевых концентратов, всякой лапши быстрого приготовления, супов в пакетиках, чипсов, сухариков, чего-то сладкого, растворимого кофе и прочей, мало съедобной по Костиному мнению, ерунды. Один добрый знакомый охарактеризовал всю линейку производимых ими продуктов как «предметы похожие на еду».

Помучив Костю пару минут банальными, вежливыми вопросами про жизнь, семью и вообще, Паша, наконец, перешёл к делу:

– Слушай, нам тут надо выборы выиграть на одной территории. Я вот помню ты ж вроде специалист в этом.

– Ну, вроде да. Отпираться не буду. А где это у нас теперь выборы в этом году? В Государственный парламент вроде в следующем, президентские ещё позже. Да и какое ты, Паша, имеешь к выборам отношение? Ты ж вроде предметами похожими на еду занимаешься. Или я что-то путаю?

– Понимаешь, есть у нас завод в Кулажской области, километрах в ста пятидесяти от столицы. Там в этом году как раз выборы всех уровней, начиная от муниципальных советов и заканчивая областным. Так вот губернатор вцепился в мою хозяйку и требует, чтобы она любой ценой на нашей территории обеспечила победу правящей партии. А хозяйка мне это дело поручила. Теперь не знаю, что делать. Я ж в этом деле ни ухом ни рылом. Может, выручишь?

– Конкретизируй задачу и зону ответственности. Кого и куда выбирать будешь? Какая территория? Сколько избирателей?

– Слушай, ну в местный муниципальный совет надо протащить список из шести человек, в районный совет троих и в областной совет одного. Территория довольно большая, но избирателей всего чуть больше девяти тысяч. Абсолютное большинство живёт в посёлке, где наше производство, остальные в окрестных деревеньках. Голосование рейтинговое.

– Ну и какие проблемы? Небось половина жителей посёлка на твоей фабрике работает? В смысле, половина трудоспособных. Ну собери их всех в кучу и прикажи за правящую партию голосовать. Вот и победите всех.

– Как это приказать?

– Экий ты нудный. Ну не прикажи, а сагитируй. Вдуй им яркую речь, прям чтоб всрались-разрыдались. Ну, мол, правящая партия – наше всё. Мол, поддержим любимого президента, пускай ещё один полуостров у кого-нибудь оттяпает. А если проголосуем за оппозицию – всё развалится. Работы у вас больше не будет, голодать начнёте. Одним самогоном-то жив не будешь. А потом придут солдаты НАТО и вас всех в рабство заберут, а баб всех перетрахают. Хотя нет. Про баб и секс не надо. Иначе вся женская часть электората сразу за солдат НАТО проголосует.

– Костя, ну пожалуйста, прекрати! Мне сейчас не до твоих пошлых, циничных шуточек. Ты можешь помочь или нет?

– Напрасно ты мои слова так квалифицируешь. Я ж практически сейчас тебе простыми словами всю нашу государственную идеологию пересказал. Ты против что ль? Может ты и президента не любишь? А что касается помощи – ты уточни, чего конкретно ты от меня хочешь.

Могу например тебе советами помочь, подсказать чего и как делать. Ну просто как старому знакомому и хорошему парню. Но счета в ресторанах ты будешь оплачивать.

– Нет. Советы не подойдут. Я хочу, чтоб ты взялся эту кампанию провести. Нам очень нужна победа. Мы готовы это дело полностью финансировать. Или ты сейчас чем-то другим занят?

– Ни чем я не занят. На даче сижу, удовольствие от жизни получаю. Теоретически мог бы вам всё сделать, но, ты только пойми меня правильно, не обижайся, больно мелкая для меня работёнка, буквально копеечная. Ну сколько могут стоить выборы на территории одного сельского совета? Всего-то девять тысяч избирателей. Извини, брат, не стоит овчинка выделки. Поищи там в области или в районе каких-нибудь орлов. Наверняка при областной администрации всякая голодная публика ошивается. Я ж на твоём посёлке с окружающими деревеньками не заработаю ни хрена. И команда моя под другой уровень выборных кампаний заточена.

– Костя, я всё понимаю. Но и ты пойми – для моей хозяйки, и особенно для губернатора, именно наш участок очень важен. Тут два главных Кулажских оппозиционера у нас баллотироваться надумали. Губер аж кипятком ссыт, мечтает их завалить. Они ему прилично крови попили тут своей суетой. Так что заплатим, обидно тебе не будет. Ну расходы конечно сильно не раздувай, очень тебя прошу, ты ж всё-таки мужик порядочный. Для хозяйки моей это очень важно. Это ж её отношения с губернатором.

– Ладно, дай подумать, с коллегами посоветоваться. И пришли мне на почту всю исходную информацию, какая у тебя есть. Там, я знаю, исполнительная власть делает всякие «паспорта районов» и прочую хрень. Это всё в основном фуфло конечно. В основном для отчётов перед руководством, чтобы жопы прикрыть. Но кое-что оттуда вытащить можно. Демографию там, местные болевые точки и прочее такое. И фамилии этих страшных оппозиционеров пришли. Посмотрю, что за зверушки такие.

– Конечно. У меня даже свежий социологический опрос по нашей территории есть. Недавно какие-то люди от губернатора проводили.

– Вот и присылай. Хотя качество таких опросов я себе представляю. Небось заказали каким то «своим», деньги поделили и красивый, толстый отчёт сдали. Но все равно давай. Это хоть что-то.

Обещанную информацию оперативный Лёшкин прислал минут через пятнадцать. На её беглый просмотр и поверхностный поиск в интернете по ключевым словам у Кости ушло две чашки кофе и четыре сигареты. На то, чтобы систематизировать и уложить в башке прочитанное – ещё одна. Потом смачно, по звериному потянулся и набрал на сотовый Панасюку.

После ухода из сельскохозяйственного проекта Серёга трудился замом главного редактора в каком-то единственном в своём роде журнале посвящённом экологическому строительству. Платили ему не сказать чтоб много, но регулярно. Главное – не понуждали ежедневно таскаться в офис. По большей части сидел и правил присылаемые материалы дома, а с автарами и руководством общался дистанционно. Работой Панасюк точно перегружен не был, следовательно вполне мог себе позволить подхалтурить, встряхнуться и заработать денег.

После обычных приветствий и «ритуальных поглаживаний» Костя поинтересовался:

– Борисыч, а ты знаешь старый анекдот про семью гномиков? Ну где сын невесту приводит.

– Не помню что-то. Расскажи.

– Ну стало быть так. Семья гномиков. Папа ростом шестьдесят сантиметров, мама – пятьдесят пять, сын – пятьдесят. Сын приводит знакомиться невесту ростом сорок пять сантиметров. Папа отводит его в сторонку и говорит: «Одумайся, сынок. Мы же так до мышей доебёмся».

– Ну да. Вспомнил. Есть такой. А к чему ты это?

– Да мне тут Лёшкин позвонил, предложил «до мышей доебаться». Лёшкина-то ты помнишь? У Хорька вместе работали. Щас, подожди минутку, повиси на трубке.

Костя встал, зашёл в гостиную, ткнул пальцем в кофемашину, переждал её деловитое урчание, потом вернулся на балкон с очередной чашкой любимого напитка и пересказал Панасюку суть Лёшкинского предложения. Закончил так:

– Давай, я сейчас скину тебе на почту всё, что у меня есть. Ты посмотри, в сети там полазай, мысли погоняй. Завтра утром созвонимся и решим – лезть нам в это говно или нет. И если лезть, то как это проверить с минимальными затратами наших сил и времени.

Попрощавшись с Панасюком, позвонил Даше, которую знал практически всю её жизнь. Была она дочерью старых университетских приятелей, с которыми Костя познакомился ещё будучи абитуриентом. Теперь девочка выросла во вполне состоявшуюся молодую женщину, имела крепкую семью, двоих детей и собственное рекламное агентство в столице, которое Костя после продажи своего агентства приспособился использовать в качестве организационной и производственной базы при выполнении заказов на выборные кампании.

Дашка радостно подтвердила готовность поучаствовать в этих мини-выборах и похвасталась, что ей это даже очень удобно. Один из её крупных клиентов как раз находился недалеко от Лёшкинского завода, и при необходимости можно было бы за одну поездку побывать и там, и там.

На следующий день, обсудив с Панасюком минимально допустимые размеры своих гонораров и возможность поочерёдных поездок в избирательный округ для постановки задач и контроля их выполнения, Костя позвонил Лёшкину и сообщил, что в принципе готов взяться за эту работу. Пообсуждали разные технические и финансовые детали, после чего Паша побежал докладывать хозяйке о своей прорывной победе.

Хозяйка изъявила желание побеседовать с Костей лично. Согласовали дату, время и место встречи. Договорились, что планом и сметами займутся после личного знакомства и подтверждения серьёзности намерений. Оставшиеся до встречи полтора дня посвятили поиску информации о конкурентах-оппозиционерах, о текущем положении дел в избирательном округе и об истории происходивших там событий, казавшихся наиболее интересными.

Два главных противника, которых так боялся губернатор, оказались людьми совершенно разноплановыми. Один из них, имеющий забавную фамилию Мартышкин, был бывшим спортсменом. В начале весёлых девяностых погрузился в мелкий бизнес. По слухам сошёлся с местными бандитами и сам вроде бы бандитствовал по мелочи. Потом, непонятным образом, сделался протестантским пастором и открыл в Кулаге молельный дом в собственном гараже. Когда свободу и демократию в стране начали потихоньку душить, Мартышкин заделался записным оппозиционером, стал активничать на всех подряд общественных мероприятиях и непрерывно против чего-нибудь бороться. Персонаж был весёлый, говорливый, очень шустрый и моторный, чем, собственно, и был особенно опасен.

Второй был человеком серьёзным, степенным и потому особой опасности не представлял. Фамилия его была Чернов. Двадцать лет назад его избрали председателем законодательного собрания Кулажской области и он автоматически оказался сенатором, поскольку сенат страны в те годы состоял из глав законодательной и исполнительной власти регионов.

Потом этого великого государственного деятеля потихоньку слили и отправили с глаз долой подальше в длительную командировку в Страсбург, представлять Родину в какой-то мутной структуре Евросоюза. Чернов забрал туда семью, подъедался там довольно долго и окончательно пропитался идеалами либерализма, евросоциализма и прочего народовластия. Лет через пять эта приятная должность понадобилась кому-то из более политически грамотных и полезных власти деятелей и Чернову пришлось возвращаться домой, однако, слава Богу, хотя бы его повзрослевшему сыну всё-таки удалось зацепиться и остаться в Европе.

Дальше случилось страшное. Чернов, набравшийся в Страсбурге всяких чуждых нашему народу идеалов, спятил на почве законотворчества и погрузился в написание некоего закона о местном самоуправлении, о чём его, собственно, вроде как, никто и не просил. Написание этого никому не интересного закона заняло у него лет семь. За это время более шустрые политики выпихнули Чернова отовсюду окончательно, и он потихоньку превратился в тихого городского сумасшедшего, который везде ходил с потёртым портфелем и ни о чём, кроме своего закона, больше говорить не мог. Как и Мартышкин, Чернов участвовал во всех оппозиционных движениях и сборищах одновременно. Видимо ему было очень обидно, что его детище, его любимый и архиважный закон никто не хотел ни читать, ни рассматривать.

У Кости сложилось стойкое ощущение, что основным кредо главных оппозиционеров было – «Мы за любой кипеж кроме голодовки!». Работать против таких людей было не стыдно. Душителем добра и свободы Костя себя не почувствовал.

Хозяйкой Паши Лёшкина была довольно известная в бизнес-кругах Анна Сергеевна Моранская. Когда-то в её руках оказался самый крупный в стране столичный комбинат пищевых концентратов. Толковая дамочка произвела необходимые модернизации и начала заваливать рынок «предметами похожими на еду» в ярких, современных упаковках. Несколько позже, для расширения производства, прикупила бывший консервный завод в посёлке Деткино Кулажской области, где теперь и предстояло делать выборы. Переоборудовала его, перепрофилировала и загрузила производством своих малосъедобных изделий. Всё это вместе называлось красиво и пафосно – «Отечественный продукт». Через некоторое время для обслуживания финансовых потоков от своего производства и торговли Моранская купила маленький банк с незапоминающимся названием и получилась небольшая, но крепкая финансово-промышленная группка. Сама хозяйка в Костином сознании проходила под простой и короткой кличкой «мадама».

За десять минут до назначенного времени Костя с Панасюком встретились у входа в банк Анны Сергеевны. Встретить их вышел безликий помощник и со всем уважением проводил гостей на второй этаж в переговорную, где уже ждал старый знакомец Лёшкин. Мадама бодро вошла в помещение буквально через минуту. За ней по пятам следовал юноша с удивлённым лицом и папочкой в руках. Появившаяся как будто из ниоткуда девушка предложила всем кофе. Представились, познакомились. Моранская без всяких прелюдий сразу перешла к делу. Косте это понравилось. В дамочке чувствовался острый ум и большой опыт реального бизнеса.

Широкими мазками, без лишних подробностей обсудили план действий. Чтобы минимизировать бюджет кампании, на некоторые направления работы решили привлечь специалистов Моранской и прочие имеющиеся у неё ресурсы, вроде помещения на заводе под избирательный штаб и, итак уже получающий свои зарплаты, обслуживающий персонал. Специалисты, которых обычно использовал Костя, для этой мини кампании были явно слишком дорогие. Лёшкин тут же получил указание подобрать из имеющихся юристов и бухгалтеров, более-менее толковых и озадачить их изучением федерального и регионального законов о выборах.

На составление предварительной сметы кампании и графика платежей Костя попросил три дня. Беседа подошла к концу. Мальчик с удивлённым лицом за всё время так ни разу рта и не открыл. Перед прощанием Костя задал главный для себя вопрос:

– Анна Сергеевна, я всё-таки хотел бы понять, почему вы решили нас привлечь к этому делу. Избирательный округ маленький, главные конкуренты довольно слабые. Один – просто клоун, второй – стареющий кабинетный зануда совершенно не имеющий «опыта уличных драк». В этой ситуации использовать нас – всё равно, что палить из пушки по воробьям. Вы могли бы решить этот вопрос гораздо дешевле.

– Видите ли, Константин Николаевич, тут две причины. Когда губернатор обратился ко мне с этой просьбой, у него была форменная истерика. Приехал вдруг ко мне сам, лицо аж белое, руки трясутся, совал мне в нос свой телефон с фотографиями каких-то позапрошлогод-

них оппозиционных митингов. Я ещё никогда его таким не видела. Сама не очень понимаю, чего он их так боится. Ну и надо понимать, что к этим людям приковано пристальное внимание президентской администрации. Два года назад эти, как Вы сказали, клоуны, вели активные переговоры с известным Вам оппозиционером Овальным и его командой, договаривались о взаимодействии. Овальным даже должен был приехать на какие-то их митинги в Кулагу и там выступать. Почему то этого не случилось, но в поле зрения администрации президента эта публика попала. В результате теперь ситуация на контроле на самом верху. Губернатора, видимо, сильно накручивают, а мне важно качественно выполнить его просьбу. Так что тут лучше перебдеть, чем недобдеть.

Лёшкин неожиданно пошёл провожать посетителей до выхода из банка. Когда вышли на улицу, Костя с облегчением закурил и спросил:

– Паш, а кто этот удивлённый юноша, который на переговорах присутствовал?

– Так это сын хозяйки. Она зачем-то стала время от времени его с собой таскать.

– Ну, видимо мечтает преемственность обеспечить. Ладно, смету и график получишь через три дня. Будем на связи. Будь здоров, не скучай.

Паша кивнул и убежал обратно в банк. Костя с Панасюком прошли метров пятнадцать вдоль ряда припаркованных у здания машин и остановились около Костиного белого Вольво. Серёга задумчиво спросил:

– Слушай, я не понимаю, зачем ты в это лезешь. Честное слово, зачем тебе это?

– Знаешь, я как старый боевой конь. Стоял себе в конюшне полуслепой уже, спина провисшая. Вдруг – звук боевой трубы, «сбор» играют. Ну вот и возбудился, заржал, задрожал. Скучно мне, Серёга. Да и работу свою я люблю. Сам знаешь, выборы – маленькая война. Пацанское дело. Кроме того тут ситуация для нас очень выгодная. Заказчик бизнесовый, привыкший профессионалам доверять, значит мешать работать особо не будет. Чиновнички местные конечно полезут со своей дурью, но поскольку не они нам будут платить, можно будет их аккуратно и культурно на хуй послать. Давай поработаем, может это вообще в последний раз. Ну если конечно Моранская с нашей сметой согласится. Сам знаешь, для имитации выборов по заказу администрации и партии власти мы не пригодны, ума у нас больно до хуя и собственного достоинства, а оппозиционеры – Овальны всякие и иже с ними, денег профессионалам не платят в принципе. Искренне верят, что поскольку они «будущее счастье страны» – все должны на них пахать бесплатно на голом энтузиазме, а мы с тобой бесплатно работать не умеем. Так что давай встряхнёмся. Мозги разомнём, удовольствие получим. Или тебе шибко прикольно всякой хернёй об никому не нужном экологическом строительстве мозги почёсывать?

– Да какое там...

– Ну, вот и ладно. Давай, разбегаемся. Завтра выдерну Дашку с её партнёршей Ольгой, соберёмся и станем план, смету и график из пальца высасывать.

Повинуясь своей природной лени, первое производственное совещание Костя собрал в своей столичной квартире. Кофемашина работала, на улице было приятно тепло, окна открыл нараспашку, от предложенных тапочек участники дружно отказались. Дашка очень смешно морщила носик и всячески давала понять, что с сигаретным дымом она мирится исключительно из глубочайшего уважения к Константину Николаевичу в целом и к его отдельным недостаткам в частности. Чтобы сразу отсечь ненужные вопросы, Костя сказал небольшую вводную речь:

– Значится так, дорогие концессионеры, кампания маленькая, поэтому никаких обычных наших исследований проводить не будем. Никакого базового социологического опроса и прочего такого. Не вижу смысла разводить клиента на такие затраты. Работаем исключительно опираясь на собственный опыт и профессионализм. Да, мы так никогда не работали, но у нас и таких маленьких кампаний никогда не было. Губернаторский соцопрос все просмотрели?

Вот и отлично. Опрос слабый конечно, но какое-то представление о настроениях электората из него получить можно. Ну, плюс обзор местных СМИ разумеется. Общее состояние мозгов избирателей по отношению к власти и правящей партии после захвата соседского полуострова вам и так понятно. Нализанная ложная беременность гордости и патриотизма ещё не прошла. Настроение у народа конечно опускается потихоньку, но на эту кампанию его ещё хватит. Уточнения сделаем после того, как сами начнём общаться с типичными персонажами из местных. Получим дополнительную информацию методом «экспертных интервью». Так что сейчас просто делаем маленький мозговой штурм. Девочки, берите бумагу, делайте заметки, фиксируйте ваши и наши бредни.

Обсудили распределение обязанностей. Договорились, что каждый из участников будет выезжать на место приблизительно один раз в неделю и при этом контролировать не только свою поляну, но и ситуацию в целом. Это должно было минимизировать количество поездок и оставить участникам время на нормальную жизнь. Составили приблизительный перечень необходимых агитационных и контрпропагандистских материалов, обсудили способы их распространения и перечень потребных для кампании массовых мероприятий. Потом, исходя из количества избирателей и размеров территории, прикинули нужное количество пехоты – рассыльщиков, расклейщиков, агитаторов для встреч с избирателями и прочих помощников. Определили сроки проведения самой кампании. Дашка с Ольгой получили номер телефона Лёшкина и разрешение вступить с ним в прямой контакт. Резюмировал Костя так:

– Девочки, выцарапаете через Пашу количество почтовых ящиков на территории, из этого определим потребные тиражи для рассылок. По плакатам, афишам и прочим расклейкам всё приблизительно понятно. На рассылку контрпропаганды посчитайте ваших столичных подрядчиков. К контре местных привлекать нельзя. Это вопрос безопасности, местный штаб к этому не должен иметь никакого отношения. Печатаем всё в столице в ваших прикормленных типографиях. Дизайн и вёрстка на вашем агентстве. Норму прибыли себе закладываете стандартную, как для бизнес-клиентов. Лично вам за кампанию отдельный гонорар, как и нам с Серёгой. Первым делом сверстайте таймлайн, то есть план-график в табличной форме с указанием всех материалов, мероприятий и датами их распространения и проведения. Из него станет понятна интенсивность воздействия на нервы избирателей. Это очень хорошо мозги структурирует. Если увидим, что что-то недостаточно или наоборот избыточно – внесём коррективы. График платежей разбейте на три-четыре выплаты. Последнюю мы должны получить за две недели до дня выборов, тогда хоть нагадить успеем, если клиент нас кинуть попытается. И не забудьте непредвиденные расходы процентов пятнадцать от общей суммы. Времени у нас мало, план мы из пальца высасываем, не хочется потом у клиента дополнительное финансирование клянчить. Серёга, ты посмотри местные СМИ и интернет. Что там у них за информационное поле? Придётся нам им какой-никакой сайт по-быстрому мастырить, или у них там уже есть что-то, что можно использовать. Группы местные в социальных сетях. Короче, сам знаешь, что делать.

План-график Костя с Серёгой получили на свои электронные почты утром следующего дня. Посмотрели, обсудили с девушками, решили выбросить одну агитационную листовку и соответственно её рассылку. Ещё через день были готовы сметы и график платежей.

Костя всё внимательно проверил и переслал Лёшкину. Паша перезвонил через час. Общая сумма вопросов не вызвала, претензия была только одна:

– Слушай, вы тут последнюю выплату поставили за две недели до даты выборов. Это же получается стопроцентная предоплата. Так теперь никто не работает.

– Дорогой ты мой, ну почём тебе знать, как кто работает? Это ж тебе не ваша торговля малосъедобной хернёй. Тут товарных кредитов и отсрочек платежей не бывает.

– Моранская будет недовольна!

– А мне плевать. Мне этот ваш заказик не больно нужен. Не хотите – ну и ладно. Поеду к жене на дачу на мой любимый балкон закатами любоваться. Так что не надо со мной торговаться, иди уже к хозяйке на доклад, пускай решение принимает.

Паша перезвонил на следующее утро и будничным тоном сообщил, что хозяйка на всё согласна. Договорились, что за первой порцией денег придет Даша и после этого начинаем работать в полный рост.

3. Внимание!

Наброски стратегии избирательной кампании Панасюк прислал на почту глубокой ночью. Утром созвонились, обсудили и договорились для проведения мозгового штурма собраться опять у Кости дома. Дашка отчиталась о получении от Лёшкина пухлого пакета наличных, после чего обсудили стратегию, цели и задачи, базовые лозунги и слоганы кампании. По результатам внесли небольшие изменения в план график. Ситуация в целом была понятна. Каждый знал, чего ему дальше делать.

Лёшкин позвонил через пару дней, сообщил, что профильный вице-губернатор послезавтра проводит в райцентре специальное совещание по выборам с главой района и прочими исполнителями. Попросил участвовать, представиться местной знати в качестве начальника штаба, произвести впечатление и по возможности успокоить государевых слуг, чтобы не очень истерили.

Договорились утром из столицы поехать прямо в район, а уже после совещания посетить фабрику в Деткино. Пора было познакомиться с директором, с людьми которых он должен был выделить для проведения кампании и вообще осмотреться на местности. Ехать решили на Пашиной машине с водителем. Панасюк выслал Лёшкину стратегию, чтобы её распечатали и переплели. Нужно было вручить заинтересованным чиновникам по экземпляру чего-то убедительного, чтобы не волновались и понимали, что процесс идёт.

Серёга в день совещания был занят чем-то своим строительно-экологическим, поэтому в первую поездку на место с Костей поехала только Даша. Подойдя к условленному месту встречи, Костя увидел Лёшкина в неожиданно дешёвеньком Рено. Сев в машину в лоб спросил:

– Паша, ты вроде не последний человек в компании, почему тебя возят на таком дерьме? Моранская такая жадная?

В ответ понеслось многословное, невразумительное словоблудие. Усмехнувшись, Костя подумал:

– Ладно, с тобой всё ясно. Пытаешься демонстративно экономить хозяйские деньги. Демонстрируешь нарочитую скромность. Мол, смотрите, я святее Папы Римского.

Дашу подхватили у метро на выезде из столицы по направлению к Кулажской области. Почти всю дорогу проехали молча. Лёшкин на переднем сидении тыкал пальцами в свой ноутбук и кем-то громко, задорно руководил по телефону. Костя ещё раз просматривал распечатку стратегии, губернаторский соцопрос и всякие статистические данные по территории. Когда остановились у здания районной администрации, тихо сказал:

– Дашуня, чинуши – публика специфическая, особенно провинциальные. Так что говорить буду я, а ты не высывайся. Отвечать будешь только если я сам тебя о чём-нибудь спрошу.

Вице-губернатор явился без опоздания. Дружной толпой зашли в кабинет главы, расселись, представились. От района кроме главы участвовали ещё три одинаковых тётки средних лет, отвечавших за социальную помощь населению, за здравоохранение и ещё за что-то, практически не существующее. Вице-губернатора, Погосяна Армена Ашотовича, сопровождала молоденькая блондинка модельной внешности, которая представляться не стала. Костя подумал:

– Либо ты, Армен Ашотыч, настолько горяч, что двух часов без минета прожить не можешь, либо тебе кто-то из начальников дочку или племянницу свою в помощницы навязал, чтоб без дела не болталась.

Предварительные справки о Погосяне Костя конечно навёл. Вице-губернатор был относительно молод – около сорока лет и происходил из вполне интеллигентной династии столичных армян-журналистов, его старенький папа до сих пор пописывал всякую государственно-патриотическую чушь в ведомственном журнале Министерства Иностранных Дел. Армен

Ашотыч был отлично образован и устремлён к карьерным высотам, теперь вот отрабатывал строку в биографии под названием «работа на земле». Нынешние власти старательно копировали в своих подходах власти прежние коммунистические и потому, не поработав на земле в провинции, карьерного роста в столице добиться было невозможно. Ну, если конечно речь шла не о сыне какого-нибудь особо приближённого к президенту прихлебателя.

Глава района – молодой, лет тридцати пяти, спортивного вида мужик, затынул нудную отчётность о формировании и подготовке к работе избирательных комиссий, о столах, стульях, помещениях, наглядной агитации, урнах, транспорте для надомного голосования. Одинаковые тётки пытались что-то ему подсказывать.

– Интеллектом не обезображен, как и положено среднему провинциальному чиновнику, – подумал Костя.

Погосян прервал рассказ о титанических усилиях районной администрации и перевёл разговор в практическое русло. Попросил списки потенциальных конкурентов, начал выяснять, кто из них может быть опасен, кого из них нужно снимать с выборов за какие-нибудь мифические нарушения или по иным формальным основаниям. Снятие оппозиционеров с выборов превратилось в обычную практику по всей стране. Борьба с этим было невозможно, судиться бесполезно. Суды на законы внимания давно не обращали, обслуживали власть, как послушные солдаты.

Наконец дело дошло до списка оппозиционеров – кандидатов в муниципальные советы низшего звена, куда, собственно, и собирались баллотироваться особо опасные для государства Мартышкин с Черновым. Этих с выборов снять было просто невозможно. Для регистрации в качестве кандидатов при условии самовыдвижения им надо было собрать всего-навсего по двадцать пять подписей избирателей в свою поддержку. При таком малом количестве подписей доказать, что они фальшивые было невозможно даже в наших карманных судах. Погосян затих и с интересом уставился на Лёшкина.

Костя раздал по экземпляру стратегии кампании в Деткинском избирательном округе главе района, вице-губернатору и его блондинке и коротенько рассказал, что и как они собираются делать. Погосян слушал внимательно, было видно, что спокойная речь профессионала действует на него умиротворяюще. Когда совещание закончилось, подошёл к Косте, вручил свою визитную карточку и ласково попросил:

– Пожалуйста, если возникнут любые вопросы, проблемы или потребуется помощь, обращайтесь сразу ко мне напрямую. Лучше пользоваться мессенджером «Телеграм». Его не читают и не прослушивают.

Костя в ответ протянул свою визитку и поблагодарил, добавив, что помощь конечно понадобится. Значимые для избирателей признаки – близость к власти и способность решать проблемы, никто не отменял.

На Деткинскую фабрику «Отечественного продукта» приехали в обеденное время. Директор – вполне приличный и с виду разумный мужик средних лет по имени Виктор, извинился и попросил дать ему ещё минут двадцать для урегулирования срочных текущих проблем. Предложил пока сходить перекусить в их рабочую столовую. Так и поступили. Людей в столовой было мало, производственные циклы были непрерывными, сотрудники ходили обедать по очереди. Еда оказалась простой, но качественной. Салат, суп, котлета с картофельным пюре, компот.

После обеда и неторопливого перекура, Костя поднялся на второй этаж в кабинет директора. Лёшкин и Виктор уже закончили свои срочные дела, угощали Дашку кофе с печеньями и развлекали светской беседой. Для начала сходили посмотрели помещение, которое директор готов был выделить под штаб. Помещение вполне устроило. Перешли к кадровому вопросу. Виктор, явно толковый производственник, сразу занял, что лишних людей у него нет, все

загружены по горло и никого он для работы в штабе откомандировать не может. Костя отреагировал равнодушно:

– Ну нет, так нет. Своих привезём. Но вашей хозяйке это дорого обойдётся. Зарплаты, транспортные расходы, жильём их надо будет обеспечить.

Лёшкин побагровел и начал на Виктора злобно шипеть. Через пару минут директор сдался, согласился выделить одного толкового бухгалтера для ведения официальных избирательных счетов кандидатов и пожертвовал в штаб своего инженера по технике безопасности.

– И то хлеб, – подумал Костя, – инженер по технике безопасности тебе для производства не нужен, однако, закон требует, чтобы формально он был. Кого-то же надо под суд отдавать, если несчастный случай какой, не приведи Господь. А больше у тебя лишних людей похоже нету. Видимо Лёшкин тебя заставил штатное расписание досуха вылизать.

Бухгалтер – довольно обычная женщина средних лет с равнодушным взглядом, явилась на зов директора первой. Минуты через две вслед за ней в кабинет боком просочился сероглазый, с заметными залысинами инженер, лет тридцати пяти. Самой яркой деталью его внешне-сти было широченное обручальное кольцо на безымянном пальце правой руки.

– Ага. Будешь у меня проходить под кличкой «Семьянин», – подумал Костя.

Начали с инструктажа бухгалтерши. Дама оказалась толковой, быстро поняла, что от неё требуется. Сообщив тётеньке, что с этого момента по выборным делам она подчиняется непосредственно уважаемой Дарье Павловне и должна выполнять все её распоряжения, Костя бухгалтершу отпустил и обратился к Семьянину:

– А Вы, стало быть, у нас инженер по технике безопасности Иван Смирнов. Я Вас поздравляю! На ближайшие три с половиной месяца Вы, по согласованию с Вашим руководством, получаете категорическое повышение и становитесь неформальным местным руководителем-координатором избирательного штаба. То есть практически заместителем Бога на Земле. Роль Бога я оставляю за собой.

Директор Виктор угрюмо кивнул, подтверждая Костины слова. Иван удивления не выказал. О смысле существования Семьянина в ближайшее время Костя распространялся минут пятнадцать, потом обратился к Лёшкину:

– Паша, у тебя тут есть ещё дела? Если да, то какое приблизительно время они займут?

– Да, есть. Часа на полтора-два.

– Хорошо. Тогда распорядись, чтобы твой водитель пока повозил нас по посёлку и вообще по округу. Иван нас сопроводит и расскажет нам всё, что знает о своей малой Родине. Потом мы к вам сюда вернёмся, обсудим ещё пару вопросов и уже выдвинемся назад в столицу.

Посёлок оказался вполне среднестатистическим и большого впечатления не произвёл. Половина населения компактно проживала в застроенном старенькими пятиэтажками микрорайоне, местные называли его – «Шанхай». Другая половина в частном секторе размазанном на довольно большой территории. В центре находился типовой дом культуры постройки пятидесятых годов прошлого века – грязно-жёлтый с белыми колоннами. По периметру центральную площадь окружали разномастные лавки местных торговцев.

Напротив дома культуры стояло жутковатое двухэтажное малосемейное общежитие, про которое Костя уже получил информацию из перечня болевых точек посёлка. Здание было аварийным. Там вечно что-то обрушивалось, обваливалось, протекало и заливало. Полунищие обитатели общаги, которых обещали расселить ещё лет тридцать назад, по причине своей несчастности перманентно бунтовали, писали властям разные петиции и требовали к себе всяческого внимания.

Дороги в посёлке были разбитые, асфальт старый, ямы, выбоины, пылица. Старые, покосившиеся, металлические павильоны автобусных остановок, выкрашенные в непонятный мрачный цвет и заклеенные какими-то бумажными рекламами и частными объявлениями тоже пейзаж не украшали. По краю жилой зоны протекала речка-вонючка в которую регулярно сли-

вали то людское говно с местных очистных сооружений, то промышленные стоки с предприятий, то сыворотку с местного молокозавода. Речка была безнадежно мёртвой.

Когда решили, что насмотрелись уже достаточно и повернули назад на «Отечественный продукт», Костя подумал:

– Ну и хер с ним со всем. Зато мы семьдесят лет назад фашистов победили, полтора года назад у соседей полуостров отжали, у нас есть ядерные боеголовки, и весь мир нас боится, потому что мы мудаки. Ура, товарищи!

Семьянин Иван оказался парнем дурковатым, но добродушным и искренним. Знал он мало, но говорил много и охотно. Жил под пятой суровой жены и ничем кроме семьи и пятилетней дочки не интересовался в принципе. За всё время осмотра, не смотря на все старания, так ничего интересного рассказать и не смог.

Вернувшись на фабрику, расселись в директорском кабинете, с благодарностью приняли предложенный кофе и приступили к обсуждению персонажей из списка оппозиционеров, которых надо было «непущать», и списка правильных кандидатов, которых надо было «протасить». Директор Виктор, будучи местным жителем, знал всё и обо всех, рассказывал охотно, давал довольно точные и ёмкие характеристики. Напряжение в разговоре возникло только один раз, когда речь зашла об оппозиционерке, работающей у Вити на фабрике химиком-технологом. Тут он помрачнел и поведал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.